

С. А. Панин рассматривает в пятой главе «Религиозная идентичность в западном эзотеризме» разновидности неоязычества как формы религиозной идентичности современных эзотериков. Религиозная идентичность эзотериков неоднократно менялась, испытывая влияние множества внешних факторов. Эзотерики отличаются от «обычного» верующего склонностью к синкретизму, стремлением соединить элементы различных вероучений, сочетать магическое с религиозным или, в терминологии Винокурова (см.: гл. 2), соединить психотипы «мага» и «пророка».

Особенностью данного продолжающегося издательского проекта сотрудников и выпускников МГУ является богатство и разнообразие материала. В этом смысле не стал исключением и очередной том «Magnum Ignotum». От античных мнемотехник до поиска идентичности эзотерическими обществами, уходящими корнями в средневековые тайные братства, — авторам удалось выстроить дискурс вокруг проблематики, актуальной и осознаваемой во все эпохи человеческой истории.

В послесловии Давыдов предлагает герменевтический ключ к «логике композиции материала» «Magnum Ignotum». Таким ключом стала книга английского историка П. Х. Хаттона «История как искусство памяти» — оба исследования оказались выстроены по схожему алгоритму. Но Хаттон остановился на постмодерне, в то время как для авторов «Magnum Ignotum» «изучение вклада теоретиков постмодернизма в философию истории Средневековья» является пока задачей на перспективу.

Стоит отметить, что заданный уже названием формат коллективной монографии позволяет надеяться на дальнейшие исследования и новые неожиданные выводы, ведь на свете еще так много Великого неизвестного (*magnum ignotum*).

Макеева (Замлелова) Светлана Георгиевна
(канд. филос. наук; Сетевой литературный журнал «Камертон»;
svetlana-zamlelova@yandex.ru)

McCloud S. American possessions: Fighting demons in the contemporary United States. Oxford: Oxford University press, 2015.

В престижном издательстве Оксфордского университета совсем недавно увидела свет книга Шона Макклауда «Американская одержимость: Борьба с демонами в современных Соединенных Штатах». Столь говорящее название может породить различные ассоциации: от психоаналитических и социологических до религиоведческих. Пожалуй, для книги Макклауда весь спектр ассоциаций, вызываемых ее заглавием, может считаться вполне легитимным. Хотя формально автор относит свой труд к домену «исследований американской религиозности» (с. 3), но затрагиваемые в нем темы и сделанные из них выводы значительно шире. Содержательно книга посвящена феноменам одержимости демонами и процессу экзорцизма, широко распространившимся в современном американском протестантизме Третьей волны.

Термин «Третья волна» был введен в научный оборот в 1980-е гг. семинарским профессором Питером Вагнером и с тех пор стал употребляться исследователями в форме обозначения «нового евангелического движения Святого Духа, последнего в цепи преемства от двух предыдущих “волн”: зарождения Пятидесятничества в начале XX века и харизматического движения 1960–1970-х годов» (с. 6). Следует отметить, что те, кого ученые считают последователями «Третьей волны», не склонны относить себя к этому движению, но предпочитают другие, более локальные названия различных ветвей современного протестантизма. Сравнительно слабо изученное в академической среде это движение за прошедшие 30 лет стало неотъемлемой частью культуры современных Соединенных Штатов. Имена бывшего губернатора Аляски Сары Пэйлин, кандидата от республиканцев на президентских выборах 2011 г., нынешнего губернатора Техаса Рика Перри и телеевангелиста Пэта Робертсона известны уже и в нашей, не сильно интересующейся внутриамериканской жизнью стране. Пэт Робертсон, например, даже удостоился четырехкратного упоминания в известной книге Ричарда Докинза «Бог как иллюзия». Все эти люди в той или иной степени являются проводниками духовности Третьей волны, само же движение имеет хорошую финансовую поддержку в кругах состоятельных американцев и выход на высокие политические сферы, равно как и широкую сеть церковных объединений, включающую миллионы приверженцев, в том числе ведущих активную миссионерскую работу за пределами США. Интересно, что спектр деятельности движения обширен и в разных формах затрагивает множество проявлений современной жизни — от крайне правых идеологий до противоабортной агитации.

Но книга Макклауда не ставит своей целью дать описание истории или современного состояния Третьей волны, цель ее скромнее и в то же время конкретнее: описать стратегию и идеологию так называемой духовной войны, одной из базовых практик движения, и на основании этого описания проанализировать, что оно может сказать нам о современной Америке и ее культуре. Термином «духовная война» обозначается в Третьей волне противостояние между силами света и силами тьмы, в котором адепты движения выступают как авангард Божиих рыцарей, сражающихся с врагом в борьбе за судьбы мира. Основой этой борьбы и является практика изгнания демонов, в самом буквальном понимании этого явления. Дар изгнания демонов на основании первого послания апостола Павла к Коринфянам воспринимается последователями Третьей волны как неотъемлемая способность христианина, необходимая к применению на практике. При этом данная способность является даром Святого Духа, полностью повторяющим силу Христа. Практики «духовной войны» недвусмысленно заявляют, что «мы ныне можем творить те же и даже большие дела, что творил Христос, поскольку имеем доступ к тому же источнику силы» (с. 100).

Тематика экзорцизма в целом, необязательно связанная с неохаризматиками, ярко представлена в современной американской культуре через художественные и документальные фильмы, телешоу, сериалы¹, журнальные и интернет-

---

¹ Вот как ярко описывает Макклауд усредненный образ современного сериала о привидениях, идущего по американскому телевидению: «...фоном, на котором разворачиваются события в них, служат сельские городки в Пенсильвании, Индиане, Северной Каролине,

публикации и даже через феномен экзорцистов, проводящих свои сеансы на сценах, как заправские иллюзионисты. Чего стоят только прославившиеся на всю страну три девочки-подростка (известные как «teen exorcists») из Аризоны, ставшие звездами, выступающими на CNN и ABC. Сам процесс изгнания демонов из человека, дома или вещи является нормальной практикой в современных США и стоит порядка 400–500 долларов. Такие названия, как «Руководство по духовной войне», «Отпусти наших детей: Шаги к освобождению ваших детей от злого влияния и демонской агрессии», «Духовная очистка дома», могут вызвать иронию, но книги именно такого плана наравне с некоторыми интервью приверженцев Третьей волны стали основным источником для работы Макклауда, именно в них излагаются основные принципы «духовной войны», вместе с ними раскрываются идеологические и теологические принципы движения. Следует сразу отметить, что Макклауд полностью абстрагируется от обсуждения самого феномена демонских сил, центрального понятия «духовной войны», этот феномен, равно как и иные сверхъестественные явления, он анализирует как часть коллективного воображения Третьей волны, как концепт в подразумеваемой и не выраженной эксплицитно системе ее теологии. Само же широкое увлечение данной практикой, как и интерес к феномену злых духов, он склонен интерпретировать массовой неуверенностью в бытии Бога (с. 74).

Структурно книга Макклауда состоит из четырех глав, в каждой из которых сначала раскрывается одна из граней феномена «духовной войны», а затем дается его оценка в контексте американской культуры, жизни общества и религиозности. Непосредственно перейдем к тематике этих глав.

Первая глава посвящена проблеме выражения культуры потребления в практике «духовной войны». Фактически основой идеологии Третьей волны в отношении окружающего мира является радикальный эксклюзивизм, заключающийся в признании лишь своего движения истинной формой христианства и воспринимающий весь окружающий мир, одержимым демонами. «Духовная война», призванная установить на земле «Новый апостольский век», ведется по трем направлениям: базовому (изгнание демонов из отдельных людей), оккультному (борьба с порожденными демонами движениями: Нью Эйджем, масонством, другими религиями и иными ветвями христианства) и стратегическому (борьба со злыми духами, контролирующими народы, культуры и места). Такой эксклюзивизм побуждает воспринимать все аспекты иных религий не просто как культурно вредные, но как выражения абсолютного зла, что приводит к восприятию католических розариев, буддийских статуй, мечетей, православных икон и мощей и т. п. реальным вместилищем демонов. Причем этот радикализм доходит до полной инверсии принципов традиционного христианства. Так, Богоро-

Кентукки и Алабаме, население которых с каждым годом все убывает, краска с домов облезает, а деревья, лишенные листьев, иллюстрируют вечную осень. Жертвами преследований со стороны сил, превышающих их повседневное понимание, являются обычно представители рабочего класса и их семьи. Процессы распада и упадка возрастают, когда камера переходит от сельских домов к крупным структурам и учреждениям. Охотники за приведениями бродят по заброшенным и проклятым фабрикам, больницам, тюрьмам и школам со своей инфракрасной камерой и цифровыми аппаратами, готовые запечатлеть исчезающий образ или слабый звук все еще живого прошлого» (с. 16).

лица воспринимается выразителями «духовной войны» как «княгиня демонов» (с. 26), а крест — как «фотография звездного часа сатаны» (с. 25). Интересно, что инверсия происходит и в отношении к так называемым оккультным движениям. Идеологи Третьей волны копируют все эмиические представления эзотерических групп, наделяя их знаком минус и приписывая им все возможные преступления, ассоциирующиеся в массовом сознании с тайными обществами. Макклауд напрямую именуется разделы литературы «духовной войны», посвященные «оккультизму», «зеркалом гримуаров» (с. 22). Эти представления с неизбежностью влекут к практике экзорцизма, выражающейся в уничтожении статуй Богородицы, предметов, связанных с восточными религиями, к проведению заклинательных ритуалов в святых для традиционных христианских конфессий местах (в частности, в Киево-Печерской лавре, см. с. 27) и активным протестным движениям, направленным против любой пропаганды чуждых религиозных убеждений. В самой оидозной форме война с демонами выражается в борьбе с их так называемыми служителями, случайная смерть которых воспринимается выразителями «духовной войны» как собственная заслуга.

Разумеется, столь же полное неприятие распространяется и на все проявления современной культуры: рок-музыку, художественную литературу, фильмы и политические движения. Современная политика воспринимается Третьей волной как полностью пораженная демонами. Так демократы руководятся демоном с именем Иезавель, поскольку покровительствуют толерантности и сексуальным свободам, а республиканцы — демоном Ахавом, поскольку недостаточно радикально борются с толерантностью. Все это с неизбежностью приводит к идее реальности мирового заговора против истинных христиан, проводимого через масонские, викканские и нью-эйджеровские круги. В этом контексте Третья волна вбирает в себя огромный пласт так называемого городского фольклора, ставшего плодородной почвой для разного рода конспирологических теорий. Все это приводит автора к выводу, что Третья волна является полностью синкретичным явлением, вобравшим в себя массу разнородных влияний, широко представленных в условиях современного общества потребления.

Подтверждением этого тезиса является и вторая глава, в которой анализируется проблема борьбы с духами в контексте феномена «haunted». Термин «haunted» плохо переводим на русский язык и в прямом значении выражает «посещаемое привидениями место», отсюда устойчивое английское выражение «haunted house», что у нас переводится как «дом с привидениями»². Культура такого рода мест широко распространилась в Америке с середины XIX в., ознаменованной расцветом спиритизма. Третья волна полностью принимает суть феномена «haunted», заменив в нем духов и приведений на демонов. Населенными этими существами, согласно идеологии «духовной войны», могут быть не только дома, но и все вообще. Самыми яркими вместилищами такого рода считаются картинки с духами и чудовищами, будь они в книгах или сами по себе, диски с тяжелой музыкой и фривольными фильмами, настольные игры фэнтезийного содержания и т. п. «Духовная война» полностью заимствует из феномена «домов

---

² Александр Дугин предлагает интересный вариант перевода данного слова как «стужалый», иными словами, наводящий стужу, пробирающий до костей.

с привидениями» и механизмы пребывания духов в том или ином месте. Одной из главных идей еще со времен спиритизма была мысль о том, что духи приходят из-за грехов прошлого. В трансформированном виде эта мысль выражается в «духовной войне» следующим образом: демоны появляются там, где была какая-то связь с оккультными практиками (кто-то из обитателей дома был масоном или на чердаке завалялись книжки Стивена Кинга), либо там, где раньше практиковали или до сих пор практикуют чуждые религиозные обряды (например, индейские святилища или центры трансцендентальной медитации), либо же там, где были совершены тяжелые грехи (иммориализм, нарушение завета с Богом и т. п.). Так, феномен Бермудского треугольника объясняется практиками «духовной войны» тем, что во времена работорговли нечистые на руку рабовладельцы топили там миллионы чернокожих рабов. Это злодеяние стало причиной населения места демонами, которые были изгнаны посредством «Юбилейной евхаристии» 1977 г., совершенной служителями Третьей волны, именно поэтому с тех пор ничего странного там не происходит. Такое отношение приводит в итоге к формированию сакральной географии наизнанку, ставящей целью определение мест наибольшей активности злых сил (Макклауд предлагает именовать такие места «пространственные лимбо»), и тотальной герменевтике подозрения ко всему и вся, действующей по аналогии с марксистской идеей классового сознания.

В Третьей главе автор рассматривает терапевтический дискурс, готическая (в смысле теневой, мрачной стороны) разновидность которого стала неотъемлемой частью Третьей волны. Под терапевтическим дискурсом автор понимает многообразие методов и практик, направленных на самореализацию и самоактуализацию и широко популяризированных через современные медиа, поп-психологию и Нью Эйдж. Самыми известными его формами, пожалуй, можно назвать практики аффирмации, визуализации и позитивного мышления, а основной идеей — диалектику травмы, полученной в прошлом и отравляющей всю жизнь субъекта, и силы позитивного мышления, преобразующего и создающего личность. Отличительной особенностью такого дискурса будет принцип, согласно которому все в нем вращается вокруг «меня», а не «нас» (с. 18). Это может показаться странным, но Макклауд очень аргументированно обосновывает, что Третья волна полностью переняла себе весь комплекс идей терапевтического дискурса, сформированный изначально в среде ее антагонистов. В книге приводится множество прямых высказываний участников движения, дословно повторяющих клише поп-психологии в контексте своей христианской риторики. Кроме того, общей причиной одержимости духами чаще всего является травма (грех, сексуально окрашенное происшествие, увлечение тяжелой музыкой и т. п.), полученная человеком в прошлом. В этом аспекте сеанс экзорцизма сильно напоминает психоаналитическую практику, где для победы над болезнью нужно осознать ее причину. Но Третья волна расширяет границы возможных причин одержимости до деяний предков, вводя концепт кровно наследуемого греха. Наличие масонов, колдунов или атеистов среди предков делает даже человека, вовлеченного в «духовную войну», открытым демонским влияниям. Демоны в «духовной войне» очень часто получают имена по страстям и

увлечениям человека, осознаваемым как греховные, следовательно, человек, в прямом согласии с Евангелием, может быть одержим множеством злых духов. Так, из одной женщины пастором Третьей волны было изгнано 1065 демонов (с. 83), при этом женщина исцелилась от ряда психических болезней, но стала страдать синдромом расщепления личности. Последний факт указывает еще на одну важную особенность движения: в подразумеваемой теологии Третьей волны демоны могут быть изгнаны, но никаких гарантий, что они не вернуться, нет, война здесь воспринимается как буквальный процесс, в котором могут быть как победы, так и поражения, зачастую сменяющие друг друга.

Последняя глава книги Макклауда посвящена двум темам — проблеме сексуальности и близости Третьей волны с политикой неолиберализма. «Воображение Третьей волны преследуется (haunted) желаниями» (с. 94), — пишет Макклауд, подчеркивая здесь серьезное внимание к сексуальной форме одержимости и искушений, с которыми постоянно борются практики «духовной войны». В главе приводятся яркие свидетельства такого рода, очень напоминающие средневековые истории о суккубах и инкубах. Сами по себе они интерпретируются автором как «истории в стиле Фрейда» (с. 99). Влияние же неолиберализма, с которым на словах борется Третья волна, ярко проявляется в так называемом экономическом арминианизме (с. 104), согласно которому лишь процветающие и обеспеченные жители земли являют в своей жизни знак духовного присутствия Божия, остальные же очевидно подвергаются влиянию злых духов. Социальный статус, достаток и успех есть производные от собственных личных усилий, выражаемых, в частности, и в практике «духовной войны». Важно отметить, что последние влияния автор книги не склонен приписывать прямому заимствованию идей. Он предлагает оригинальную концепцию реверберации, когда одна идея, попав в общее культурное поле, создает затухающие отражения в разных формах культуры. Именно так в Третьей волне отражается множество аспектов современности, в особенности неолиберализм.

Характеризуя книгу в целом, нельзя не отметить, что при ее небольшом объеме и сравнительно ограниченном предмете исследования работа Макклауда представляет собой цельное и глубокое исследование, поставленные в котором вопросы явно выходят за рамки обсуждаемой темы. Кроме того, книга имеет неплохо разработанный методологический аппарат, автор серьезно анализирует проблематику секуляризации, коммерциализации и влияние культуры на религию, демонстрируя отличное знакомство с темой. Несмотря на то что рассуждения такого плана не являются центральными для книги, они примечательны и параллельно ставят интересные вопросы к устоявшимся и популярным теориям. При этом если за норму описания и изучения принять идеалы научной нейтральности, то можно сказать, что автору не удалось выдержать ее до конца: в тексте встречается немало явно оценочных суждений, демонстрирующих негативное, ёрническое отношение автора к исследуемому явлению.

«Американская одержимость» представляет собой очень интересное, даже мастерское исследование, демонстрирующее сложность окружающей нас реальности. Так, движение, мыслящее себя авангардом христианства, единственным кладезем его истинного понимания, на деле оказывается сотканным из нью-

эйджеровских, фольклорных, психоаналитических и политических элементов, которые полностью являются достоянием современности. Порой близость Третьей волны и эзотеризма действительно поражает. Ниже приведем две цитаты — одна из них принадлежит активному участнику «духовной войны», а вторая — лидеру теософского движения конца позапрошлого века Анне Кингсфорд; надемся, читатель оценит их сходство:

Самым значительным было то, что эвангелическое население Резистенцы удвоилось за 1990 календарный год. Отчеты показывают, что военные молитвы, без сомнения, оказали прямой эффект на эвангелизацию. Возможно, знаком ослабления власти территориальных духов над Резистенцей стала трагическая судьба высшей жрицы культа Сан ла Муэртэ (духа смерти). За две недели до начала крупной эвангелической атаки в октябре ее кровать объял огонь. По каким-то причинам пламя было избирательным. Оно сожгло только матрас, жрицу и ее статую Сан ла Муэртэ!³

Вчера, 11 ноября, в одиннадцать часов ночи я узнала, что моя воля назвала еще одного вивисектора! Ах, но этот человек стоил мне бóльших трудов, чем его хозяин, демон Клод Бернар... Воля может убивать, но не всегда с той же стремительностью... Я убила Поля Берта, так же как убила Клода Бернара, так же как я убью Луи Пастера, а с ним все племя вивисекторов, если только смогу прожить достаточно долго... это обладание великой силой, которая превосходит все вульгарные методы правосудия над тиранами⁴.

Но несмотря на столь сюрреалистичную картину движения, именующего себя христианским, по прочтении книги Макклауда все же стоит задаться парой очень важных вопросов: 1. Не является ли Третья волна пускай и очень кривым, но отражением современного состояния традиционного христианства? 2. Если ответ на первый вопрос утвердительный, то не присутствуют ли в нашем представлении о традиционном христианстве неосознаваемые элементы современности, то, что Макклауд называет реверберациями? Представляется, что для российского читателя «Американская одержимость» интересна не только как очерк заокеанской религиозности, но и может послужить образцом для аналогичных исследований на отечественной почве. Ведь даже при поверхностном взгляде несложно усмотреть в современном нам православном сознании и жизни множество элементов, схожих с практиками и идеологией Третьей волны.

Носачев Павел Георгиевич

(канд. филос. наук; НИУ ВШЭ; pavel_nosachev@bk.ru)

³ *Wagner P. C. Warfare Prayer: How to Seek God's Power and Protection in the Battle to Build His Kingdom. Ventura, 1992. P. 33–34.*

⁴ Цит. по: *Webb J. Occult Underground. LaSalle, 1974. P. 356–357.*